

Существует ли риторика научного дискурса?

ЭЛЕОНОРА Р. ЛАССАН
(Вильнюс)

Вопрос о том, можно ли говорить о риторике научного дискурса, если понимать его как вопрос о том, может ли субъект научного дискурса пользоваться риторическими средствами, предполагает обычно отрицательный ответ. Существует общепринятый тезис: научное положение нуждается в доказательстве (логической аргументации) и исключает средства, которые используются в ораторской речи, ориентированной на убеждение и внушение. Риторическая аргументация понимается обычно как связанная с целевой направленностью на возбуждение эмоций:

Риторическое моделирование аргументации – это воспроизведение процесса аргументации посредством языковых средств, ориентированных на адресата и придающих аргументации выразительность (Брюшинкин 2006: 13).

По определению, научная аргументация не может быть аргументацией *ad hominem* – только *ad rem*. Высказываемые положения в научных текстах, прежде всего в диссертациях, строятся таким образом, что они должны создавать впечатление некоей объективной истины, никак не связанной с личностью говорящего. Очевидно, даже термин «говорящий» не применим к субъектам, стоящим за текстами диссертаций, поскольку момент говорения предполагает наличие индивида, существующего «здесь» и «сейчас», имеющего «личину» конкретного человека. Научный текст не должен возбуждать представлений о субъективности познающего сознания. Позволю себе привести, как мне кажется, показательный пример:

будучи членом редколлегии одного из солидных российских журналов, я в качестве рецензента предложила автору рецензируемой статьи внести в нее некоторые правки; в числе сделанных предложений было и такое: заменить во фразе *мы защитили диссертацию по теме* на конструкцию *автором статьи была защищена диссертация* [...]. Правки были приняты, кроме одной: в публикации сохранилась конструкция *мы защитили диссертацию*.

Обязательная обезличенность жанра диссертаций, стремление элиминировать из текста практически все его эгоцентрические элементы [даже невинные вопросно-ответные единства, призванные продемонстрировать процесс размышления (напр., – *можно ли при такой словарной дефиниции осуществить правильную референцию слова? – Очевидно, нет*) представляются не соответствующими требованиям жанра] составляют стилистическую особенность этого дискурса. Сорок лет назад И. Р. Гальперин обозначил стилистику как науку, изучающую

не только эффект речевого произведения, но и те приемы, которыми этот эффект достигается [...] Таким образом, задачей стилистики в какой-то мере является изучение лингвистическими методами всего процесса коммуникации, состоящего, как известно, в порождении, передаче и восприятии сообщения. В терминах теории информации эту задачу можно было бы сформулировать следующим образом: получить такой код, который, будучи расшифрован, сообщил бы некоторую дополнительную (суперлинейную) информацию. Такая информация имеет целью вызвать желаемую реакцию получателя сообщения (Гальперин 1973: 15).

Как видим, здесь стилистика смыкается с риторикой, поскольку речь идет о получении должного эффекта, заключающегося в нужной реакции адресата. Применительно к научной прозе, цель которой Гальперин видел в доказательстве и убеждении, этот эффект, очевидно, должен заключаться в принятии научным сообществом излагаемых научных положений. [Кстати, И. Р. Гальперин, характеризуя научную прозу, нигде не говорит о необходимости ее обезличенности:

в определении характерных черт стиля научной прозы прежде всего указывается на терминологический аспект лексики и на строгую синтаксическую организацию высказывания, в которой преобладает гипотаксис над паратаксисом, а так называемая развернутость изложения выделяется как наиболее характерная черта этого стиля (Гальперин 1973: 15).

Заметим, в эпоху написания цитируемой статьи употреблялся термин «научная проза» – *дискурс* тогда еще не вошел в научный обиход в качестве популярнейшего термина эпохи. Введение этого термина требует не только осмысления тех возможностей, которые предоставляет появление нового научного понятия для науки в целом, но и того, какие импликации влечет появление термина *дискурс* в научном поле, в частности, филологическом. Мы не будем останавливаться на огромном числе определений *дискурса* – видимо, этот термин относится к числу тех формул, о которых Артур Лавджой сказал, что они каким-то образом соответствуют духу времени, способствуя формированию убеждений, вкусов и предпочтений этого времени; вместе с тем заложенные в них импликации позволяют исследователям использовать эти выражения, в соответствии со своими потребностями модифицируя их смысл (Лавджой 2001)

Как правило, говоря о дискурсе, мы говорим о совокупности текстов, а не об отдельном тексте. В этом, видимо, кроется отличие от трактовки дискурса одним из основоположников его теории – ван Дейком, понимающим дискурс в широком смысле как сложное коммуникативное событие между говорящим и слушающим, включающее наряду с текстом условия его производства и восприятия (Дейк 1998).

Правда, ван Дейк указывал и на синонимию этого термина термину *жанр*: «новостной дискурс», «научный дискурс» и т.д. (Дейк 1998). Именно такое определение дискурса (как жанра) соответствует современному употреблению термина *научный дискурс* – тексты объединяются в дискурс по предмету обсуждения (научная проблема), по стилю, по композиции (см., например, требования, предъявляемые к введению диссертаций: указание в определенной последовательности темы, объекта, предмета исследования¹, научной новизны, практической ценности и т.д.). [Именно об этих характеристиках жанра писал Бахтин в знаменитой работе *Проблема речевых жанров* (Бахтин 1996: 159).] При этом формальные требования, предъявляемые к жанру («законы жанра»), автоматически переносятся на требования к научному дискурсу – личность пишущего как фактор процесса производства *научного дискурса* не явля-

¹ В ряде случаев приходится испытывать трудность при различении содержания этих пунктов: что, например, является предметом исследования в диссертации, тема которой *Агентивные существительные в словарях советской и постсоветской эпохи*?

ется составляющей этого понятия, поскольку она не должна являть свою субъективность.

Понимание дискурса как жанра вряд ли привносит нечто новое в горизонты исследовательского поля, а вот первое определение открывает новые перспективы для того, чтобы лингвистика, в частности, стала собственно гуманитарной наукой, то есть наукой о человеке, – правда, и здесь многое зависит от того, какие импликации этого термина взяты филологической наукой для конструирования и описания своего объекта.

В блестящей статье Г. Хазагерова *Обесмысливание научного дискурса как объективный процесс* (Хазагеров 2010) показано, что соблюдение формальных требований к научному тексту доминирует сегодня над обсуждением собственно научной проблемы и что эта формализация приводит к унификации текстов, к тому, что фразы из них (речь идет о диссертациях) практически повторяют друг друга. Дополним список примеров Г. Хазагерова цитатами, взятыми из авторефератов диссертаций разных научных направлений:

научная новизна работы состоит в комплексном характере исследования проблем невременности и её ограничения от [...] (http://pravouch.com/pravo-kriminologiya-ugolovnoc/nauchnaya-novizna-issledovaniya4554.htm);

впервые в комплексном лечении язвенной болезни желудка (http://www.gastroscan.ru/dissert/girfanov.pdf);

научная новизна исследования определяется как совокупностью изучаемых путем системного, комплексного анализа теоретических проблем [...] (www.law.edu.ru/script/cntsource.asp?cntID=100010632);

научная новизна, практическая значимость исследования: заключается в комплексном историческом анализе истории становления современного аграрного общества Казахстана (http://www.agehistory.ru/ages-430-3.html).

Как видим, независимо от ветви научного знания авторы прибегают к практически тождественным формулировкам. Попытаемся проанализировать подобные тексты с позиций первого определения дискурса, данного ван Дейком, – как коммуникативного события между говорящим и слушающим, анализ которого включает и анализ производства текста. На наш взгляд, импликации из этого определения позволяют включить в анализ сознание говорящего и слушающего, порождающих и воспринимающих текст (Лассан 1995). Именно здесь пролегает различие между

анализом текста и анализом дискурса: анализ текста предполагает автономное от других текстов исследование его устроенности (интертекстуальный анализ уже выводит исследование за рамки собственно текстового анализа), а анализ дискурса предполагает анализ **знаний (сознания)** говорящего и слушающего, наличие которых обуславливает именно такое порождение текста и его восприятие (ср. Кобозева 1990: 78).

Мы не обсуждаем здесь вопрос о том, что есть сознание [(Мамардашвили: «С самого начала [...] мы должны договориться, что сознание есть нечто такое, о чем мы как люди знаем все, а как ученые не знаем ничего» (Мамардашвили 1996: 215)], а принимаем представление о сознании как об особом когнитивном чувстве, включающем наряду со знаниями и эмоциональную составляющую психики (Суровягин 1988: 131–132). Порождающее текст сознание не может быть проанализировано на материале одного текста – его устойчивые характеристики определяются как собственно когнитивными структурами говорящего, так и их обусловленностью экстралингвистическими факторами; эту «устойчивость», то есть регулярную воспроизводимость, можно вывести только при анализе значительного массива текстов. На основе одного текста можно сделать прогноз относительно структур порождающего сознания (например, метафорика текста может отпирать к концептуальным метафорам сознания в целом), но этот прогноз должен быть подтвержден материалом других текстов того же автора, или той же эпохи, или того же политического направления. Мы назвали факторы, обуславливающие возможную близость сознаний – дух эпохи, политические, общественные и т.п. установки субъектов текстов. Так, для сознания, стоящего за советским политическим дискурсом, была характерна метафора *Мир – фронт борьбы между капитализмом и коммунизмом*, которая надстраивалась над оппозицией сознания *капитализм-коммунизм*, а в текстах акад. Сахарова реализовалась метафора *человечество – единая семья*, которая нейтрализовала эту оппозицию (Лассан 1995).

Если исходить из положения о том, что термин *дискурс* предполагает анализ сознания, стоящего за массивом текстов, то что мы можем сказать о сознании, отраженном в современном научном (в частности, гуманитарном) дискурсе? В силу отсутствия метафор, позволяющих говорить об устроенности сознания, живого говорения о предмете речи, мы можем сказать только то, что оно само говорит о себе: встроенность в антропо-

центрическую парадигму, стремление к комплексным исследованиям как научной ценности, но это будет «самопрезентация, демонстрация себя вместо реферирования к внешним объектам» (Хазагеров 2010). Мы можем констатировать, что это сознание знает, говоря словами Г. Хазагерова, ритуальные компоненты текста и боится от них отступить. Г. Хазагеров упоминает о научном казусе – статье, созданной американской компьютерной программой, получившей положительный отзыв рецензента и напечатанной в одном из вакковских журналов. Приведем выдержки из отзыва рецензента и предлагаемые им правки:

Актуальность работы: высокая
Выбор объекта исследования: правильный
Определение задач и целей работы: логичное
Новизна научного материала: отличная
Структурированность работы: хорошая
Методическая ценность: отличная
Стиль изложения: неудовлетворительный
Практическая эффективность: отличная
Источниковедческая база работы: отличная

Далее следуют правки рецензента (шрифтом другого цвета выделены замечания):

«Метафорически, наш подход превращает кувалду связей базы знаний в скальпель».
Стиль изложения может быть хорош для газетной статьи, не для научной!

План статьи состоит в следующем Стиль! Сначала мы обосновываем потребность в волоконно-оптических кабелях. Мы помещаем нашу работу в контекст предшествующих исследований в этой области. Чтобы обойти упомянутые выше возражения, мы приводим пример (http://www.scientific.ru/trv/2008/013/korchevatel_revicw.html)

Автором статьи затемнены характерные для современного научного дискурса формы *Мы*, столь точно «прочувствованные» компьютерной программой. Думается, программа, генерирующая бессмысленные «научные» сообщения, сработала по правилам, приветствуемым современным научным сообществом, точнее, той его частью, которая, регулируя правила построения научного дискурса, демонстрирует присвоение власти в научном мире:

Властвовать означает сегодня обладать не столько аппаратом принуждения, сколько возможностью определять (описывать, объяснять, прогнозировать, конструировать)

Существует ли риторика научного дискурса?

ЭЛЕОНОРА Р. ЛАССАН

текущую ситуацию в обществе, формулируя критерии объективности, непредвзятости, авторитетности, правдивости и истинности (Дейк 2013).

И вот здесь хотелось бы сравнить современный научный дискурс с дискурсами тоталитарных (авторитарных) режимов, предписывающих определенный способ говорения о тех или иных вещах. Приведу для примера первые строки писем советских граждан, говорящих о своем возмущении поведением писателей Ю. Даниэля и А. Синявского в 60-е годы прошлого века:

Мы, писатели Узбекистана, с величайшим возмущением узнали о гнусной клевете Даниэля и Синявского/ С гневом прочитали мы о пошлых, омерзительных писаниях Даниэля и Синявского/ О таких отвратительных клеветинках [...] мне еще не приходилось слышать (Лассан 1995: 122).

Как видим, разные люди считают свои долгом в начале текста выражать свои чувства и делать это практически в одних выражениях. Единообразие говорения позволяет думать, что таким образом демонстрируются правила существующей «игры» – говорящий сообщает, что он находится на одной мыслительной платформе с тем, кому хочет об этом сообщить (власти). Позволю себе сравнить правила построения политического и современного научного дискурса: субъект последнего сообщает «научной элите», что он знает существующие правила и облегчает восприятие диссертации тем, кто не может оценить ее творческой стороны, поэтому с особым вниманием относится к ее формальной структуре, цель которой – продемонстрировать соответствие предъявляемым требованиям. «Есть мнение», которому следует подчиняться. И здесь я позволю себе сказать о том, что современный научный дискурс обладает специфической риторикой (Г. Хазагеров говорит о «дальней прагматике», ориентированной не на ближайшего адресата). Когда мы говорим о стиле научного дискурса, мы, очевидно, фиксируем устойчивые особенности использования языка в нем, безотносительно к цели использования этих особенностей. Когда мы говорим о риторике научного дискурса, мы задаемся вопросом: почему это сказано именно таким образом? И здесь, как уже говорилось, напрашивается сравнение с риторикой тоталитарных дискурсов: сознание, порождающее современный научный дискурс, через используемые средства сообщает научной элите о соблюдении им существующих установок, то есть о научной лояльности.

Характеризуя современную ситуацию научного дискурса, Г. Хазагеров пишет о том, что причины его обесмысливания трудно устранимы:

они устраняются либо глобальной сменой парадигмы [...] либо серьезными институциональными изменениями [...] Никакие имманентные причины для замедления процесса десемантизации, т.е. буквально обесмысливания, научного дискурса не просматриваются (Хазагеров 2010).

Демонстрация «тоталитарного характера» риторики в жанре диссертаций, конечно, не изменит ситуации с научным дискурсом, но, может быть, станет хотя бы незначительным фактором отказа от существующего единообразного говорения – во всяком случае, для тех, кто готов защищать свое творческое начало и индивидуальность.

Литература

- Бахтин М. М., 1996, *Проблема речевых жанров*. – М. М. Бахтин, *Собрание сочинений. Работы 1940–1960 гг.*, Москва, т. 5, с. 159–206.
- Брюшинкин В. Н., 2000, *Системная модель аргументации*. – *Трансцендентальная антропология и логика. Труды международного семинара “Антропология с современной точки зрения” и VIII Каптовских чтений*, Калининград, с. 133–155.
- Гальперин И. Р., 1973, *О понятиях “стиль” и “стилистика”*, “Вопросы языкознания”, № 3, с. 14–25.
- Дейк ван Т., 1998, *К определению дискурса*. – *Ideology: A Multidisciplinary Approach*, London. psyberlink.flogiston.ru>internet/bits/vandijk2.htm.
- Дейк ван Т., 2013, *Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации*, Москва.
- Кобозева И. М., 1990, *Реконструкция внутреннего мира коммуникантов по данным диалога*. – *Исследования по когнитивным аспектам языка*, Тарту, с. 69–75.
- Лавджой А., 2001, *Великая цепь бытия. История идеи*, Москва.
<http://www.psylib.ukrweb.net/books/lovejoy/index.htm>
- Лассан Э., 1995, *Дискурс власти и шакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ*, Вильнюс.
- Мамардашвили М. К., 1996, *О сознании*. – М. К. Мамардашвили, *Необходимость себя (Лекции. Статьи. Философские заметки)*, Москва, с. 214–229.
- Суrowягин С. П., 1988, *Когнитивное чувство*. – *Мышление. Когнитивные науки*.
- Хазагеров Г., 2010, *Обесмысливание научного дискурса как объективный процесс*. <http://www.hazager.ru/pragmatica/125-senseless.html>

Is there any rhetoric of the academic discourse

The article focuses on the phenomenon of the contemporary academic discourse and namely on those processes that lead to its becoming senseless, as the author suggests. It happens as a result of the unification of the formulas of the academic discourse, which are accepted as ritual ones in the academic community. Since the consciousness that seeks to aware is hidden behind the forms that are above individual, it, on the one hand, declines the responsibility for the mechanisms of the paradigm chosen in the research, and, on the other hand – communicates the academic elites, dictating “the rules of the game”, about the academic loyalty of the former. In thus sense the comparison of the contemporary academic rhetoric, as a system of the means to get adapted to the existing demands, to the rhetoric of totalitarian discourses suggests itself: in both cases the consciousness that is behind the text does not allow oneself to stand out as individuality but, on the contrary, demonstrates its submission to the existing rules, or in other words, to the loyalty demanded by the community.

Keywords: *the rhetoric of the academic discourse, the desemantization of the academic discourse, implication, academic loyalty.*